

Чисто армянский феномен

Геворк ПОГОСЯН, директор Института философии, социологии и права НАН РА, — суровый диагност и порой говорит весьма нелестные слова о нашем обществе. Но никто еще не доказал, что диагнозы должны быть приятными на слух, а лекарства — на вкус.

— До выборов осталось два месяца, и на политическом поле уже нарисовались основные игроки — РПА и “Прцветающая Армения”. И если у РПА давно устоявшийся электорат, то рост популярности “ПА” связывают с оттянутыми от оппозиции симпатиями избирателей. Что говорят об этом социологические опросы?

— Действительно, “Прцветающая Армения”, назвать которую оппозиционной сегодня никак нельзя, перетягивает голоса протестного электората. Того, что ругает власть,

ругает, как правило, за дело: уровень жизни в стране низкий, рабочих мест крайне мало... И тем не менее провластная партия отбирает эти голоса у оппозиции. А та твердит “мы, мол, подарки электорату не раздаем, потому они и берут верх”. Но это поверхностный, упрощенный подход. На самом деле то, что у нас происходит, чисто армянский феномен и главную роль здесь играют личные амбиции: каждый видит себя лидером, каждый — первый, никто не хочет быть вице... Оппозиция с этим категорически не

согласна, воспринимает критику в штыки, но от правды не уйти. Если бы ее лидеры пошли на объединение, она стала бы намного сильнее. Когда власть объединяется, оппозиция тоже должна, я бы даже сказал, обязана объединиться. Но у нас это не работает.

— А может, проблема в том, что в рядах оппозиции нет харизматического лидера, нет даже четкой концепции, которая могла бы привлечь протестный электорат.

— Не согласен. Объединившись, пусть даже вокруг человека без харизмы, оппозиция представляла бы более значительную силу, чем каждая из отдельно взятых партий.

Продолжение на стр. 2

Чисто армянский феномен

Начало на стр. 1

Тем более что среди 27 партий, решивших включиться в борьбу за парламентские кресла, есть и такие, о которых никто не слышал. Ничего не говорят избирателю и имена их лидеров. Опрос респондентов показывает, что электорату знакомы от силы шесть-семь партий. Так какие же мотивы побуждают лидеров этих партий вступать в предвыборную гонку? Они-то сами знают, что их никто не знает и что в лучшем случае могут рассчитывать на два-три, а то и вовсе на ноль десятых процента голосов... Думаю, они просто позиционируют себя в расчете "на авось" — авось ведущие партии передерутся, перегрызутся и тогда они смогут взять свои пять проходных процентов. Есть и другие мотивации. Обычно мы просто-душно считаем, раз партия принимает участие в выборах, то ее цель попасть в парламент и "порулить". Однако на деле этот политический процесс глубже и многослойнее, чем кажется на первый взгляд. Это многовекторный процесс, в котором различные политические силы преследуют, ставят и решают совершенно разные цели. Одни подготавливают почву, чтобы выйти на президентские выборы, другие рассчитывают, что, включившись в борьбу, могут вызвать интерес у более могучих сил и те начнут с ними переговоры, в ходе которых можно будет решить свои закулисные задачи. Разумеется, декларируемая часть совершенно иная: от имени народа, во благо народа. Но удивляться этому не стоит — это все политехнологии.

— Сегодня все — и оппозиция, и власть — ставят во главу угла прозрачность, справедливость, честность выборов...

— И дружно подчеркивают, что Запад фальсифицированных выборов нам не простит. Дважды, мол, простил, списав на болезни роста, но больше ни-ни, а значит, нас ждет нечто неопределимо кошмарное. Прекрасно, что есть такой настрой и понимание, но не уверен, что слова и дела совпадут. Если прозрачность действительно является главной проблемой предстоящих выборов, то почему мы не можем или не хотим организовать их так, чтобы они были прозрачными в буквальном смысле слова. Почему не можем на всех избирательных участках страны, а их не более 1200, установить по одной видеокамере внутри и одному телевизору снаружи. Тогда любой, не заходя вовнутрь, сможет увидеть, как проходит процесс голосования и идет подсчет голосов. Все эта техника обойдется не дороже полутора миллионов долларов, зато потом не будет мучительно больно говорить, что выборы были непрозрачные, прошли с нарушениями. На прошлых выборах, сражаясь за прозрачные урны, мы также слышали, что это дорого и сложно, потом оказалось, что и легко, и недорого. Так давайте же сделаем еще один шаг к организации демократических свободных выборов.

С другой стороны, та же оппозиция, утверждая, что выборы обязательно пройдут с нарушениями и что голоса будут подделаны, на мой взгляд, рубит сук, на котором сидит. Она изначально подрывает доверие избирателей, которое ей, кстати, гораздо нужнее, чем власти. Настроенный на то, что его голос все равно ничего не решит, избиратель скорее всего предпочтет остаться дома. Между тем голос человека, пришедшего на участок, подделать значительно труднее, чем того, кто не пришел. За него с удовольствием проголосуют другие.

— Многочисленные офисы "Процветающей Армении", открытые в разных районах страны, это что — новые для нас политехнологии?

— Это широкомасштабная избирательная кампания, реклама, пиар. В представительства этой партии можно зайти, что-то спросить, что-то узнать — и это действительно новый для нас стиль, шаг навстречу к избирателям, к открытости. Но вовсе не обязательно, чтобы это сработало. Есть ведь и такое понятие, как ментальность избирателя.

— В чем же особенность ментальности армянского избирателя?

— В ориентации на личность. Наш избиратель ориентируется исключительно на первое лицо. Как показывают опросы, его не интересует ни что из себя представляет та или иная партия, ни какая у нее программа, ни кто в нее еще входит. Они так и говорят: партия Демирчяна, Гегамяна, Тиграна Карапетяна... Более того, многие потенциальные избиратели вообще не знают названия партий и спрашивают у интервьюеров — это чья? Все персонифицировано, они будут голосовать за партию, лидер которой им нравится, а не потому, что у этой партии хорошая программа или платформа. Это, конечно, атавизм советских времен, но еще и азиатский тип мышления, когда личности придается слишком много значения.

— А как насчет активности избирателей? Похоже, в соседней Грузии избиратели более легки на подъем?

— Ментальность у нас разная. Армянам свойствен глубинный прагматизм, мы постоянно просчитываем, прикидываем, а что мне лично от этого будет. Возможно, потому, что наша история была такая нелегкая, армяне более ориентированы на себя и свою семью. Государство, нация где-то там на втором, третьем плане. Во многом наше отношение к правительству, власти трансформируется в категориях "моя", "не моя". До сих пор это было понятно — слишком долго армяне жили под чужеземной властью, но это время прошло, пора меняться.

— И что говорят социологи — сколько человек готовы пойти на выборы?

— До 55-60 процентов говорят, что пойдут. Ближе к выборам, как это обычно бывает, о своей готовности голосовать сообщат уже 65-70 процентов. Однако в реальности на избирательные участки приходит значительно меньше. Можно ожидать, что в выборах примут участие 45-50 процентов. В Европе процент голосующих еще меньше — 32-35 процентов, но это устоявшиеся страны с большим опытом демократии, для которых личность лидера не играет решающей роли, механизм отлажен, машина работает. Для нас, напротив, очень важно, кто будет избран. Но проблема в том, что армянский избиратель в большинстве своем ведет себя отстраненно, я бы даже сказал — безразлично, так, словно это для него ничего не значит. Какая-то хроническая апатия, так называемая социальная аномия. Так что главная задача предвыборной кампании убедить избирателя, что идет реальная борьба и голос каждого очень важен. Только это может заставить человека встать с дивана и пойти проголосовать.

— Социальная апатия — страшный диагноз. Какие симптомы, кроме "выборных", говорят вам об этом?

— Мужчина в расцвете сил демонстративно сжег себя на площади, но никто не стал бить в колокола. Такая реакция общества, точнее ее отсутствие, на этот пусть крайне экзальтированный, даже дикий акт политического протеста не может не потрясать. Это был крик, который мы не захотели услышать. "Больной" — так отреагировали власти, а с их подачи и общество. Вот и вся реакция, за которой так легко и удобно спрятать свое равнодушие. Между тем просто "больной" покончил бы с собой тихо, а этот пошел на центральную площадь, туда, где сидит правительство, и сгорел, чтобы привлечь внимание к своим бедам. Мы же продолжаем делать вид, что ничего сверхъестественного не произошло, и это еще один симптом, указывающий на аномию, поразившую наше общество. Мне страшно это выговорить, но общества как социальной единицы, способного реагировать, протестовать, одобрять, сегодня в Армении я не вижу...

Беседу вела Нора КАНАНОВА